

А.С. Николаева (Москва)

ЭКСПОНИРОВАНИЕ ОРУЖИЯ В СОКРОВИЩНИЦЕ РОССИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ В НАЧАЛЕ XIX СТОЛЕТИЯ

Д О СИХ ПОР экспозиции вооружения, как и приемам экспонирования оружия в императорской Оружейной палате в первой половине XIX в., не было посвящено специального исследования¹. Опубликованные источники этого времени, каталоги и путеводители по Оружейной палате, зачастую обходят вниманием коллекцию оружия. Так, в первом каталоге, посвященном музею, Алексея Федоровича Малиновского², историка, архивиста, почетного члена Оружейной палаты были опубликованы только государственные регалии. В следующем издании 1826 г. его автор известный журналист, издатель «Отечественных записок» Павел Павлович Свиньин³, также почетный член Оружейной палаты, описывает собрание оружия кратко, с сожалением констатирует, что «археологических» сведений об этой коллекции мало⁴. Он выделяет комплекс из государственного щита, меча и знамени, а также коллекцию булав как неких регалий воинского характера. Наряду с этим, П.П. Свиньин приводит описание здания музея и программы его архитектурного декора. Автор следующего «Краткого описания Оружейной палаты»⁵ Павел Евреинов обходит коллекцию оружия вниманием. Лишь путеводитель⁶ 1843 г. Михаила Николаевича Загоскина⁷ дает как описание коллекции оружия, так и приемов его экспонирования. В 1844 г. художник Николай Алексеевич Бурдин выполнил вид зала с экспозицией оружия и групповым портретом сотрудников музея. Это полотно служит прекрасной, но, к сожалению, пока единственной обнаруженной иллюстрацией экспозиции Оружейной палаты этого времени⁸ (рис. 1).

**Рис. 1. Н.А. Бурдин. Зала в Оружейной палате в Москве 1844.
Холст, масло. ГИМ**

Традиции экспонирования вооружения в музее сформировались в 20-х гг. XIX в., когда складывалась его первая экспозиция. Она устраивалась в специально построенном для музея здании. Его возвели в 1810 г. по проекту наследника идей Матвея Казакова, архитектора, известного к тому времени рядом построек в Москве, Ивана Васильевича Еготова⁹. Следуя классицистической традиции, И.В. Еготов спроектировал здание с ярко выраженной идейной программой. В начале XIX в. государственными идеологами Оружейная палата воспринималась и трактовалась как музей исторический, но в соответствии с панегирически-риторическим направлением отечественной историографии, самым ярким представителем которого был Николай Михайлович Карамзин. Соответственно с этими идеями и в традициях ансамблевой застройки, повышенным вниманием к которой характеризуется период

высокого классицизма, было выбрано место для музейного здания. Оно располагалось в основании треугольника, сторонами которого стали Арсенал – детище Петра I – и Сенат – дар Москве императрицы Екатерины¹⁰. Современники восклицали «оружие и закон преграждают путь к святилищу славы наших предков»¹¹.

Центр протяженного двухэтажного здания был выделен коринфским портиком. Над ним высились аттик и пологий купол. Над окнами второго этажа расположились лепные барельефы с сюжетами русской истории. В них, по отзыву П.П. Свинына, были воспроизведены «происшествия из истории нашей (русской. – А. Н.), служащие ей украшениями»¹². Такие далекие, как принятие христианства Русью в X в. и битвы с татарами. Более близкие – победы над шведами при Красной горке и Ревеле, над турками при Кагуле и Чесме. Над аттиком размещались скульптуры деятелей русской истории различных периодов¹³. Креститель Руси равноапостольный князь Владимир, герои Куликовской битвы монахи Троице-Сергиева монастыря Пересвет и Ослябя – возвращали зрителя к истокам русского государства. Покоритель Сибири Ермак Тимофеевич – символизировал начало колонизации и последовавший за этим значительный рост державы. Освободители Москвы от польско-литовских интервентов Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский – национальную независимость, начало правления династии Романовых, а видные государственные деятели XVII в. А.Л. Ордин-Нащекин, А.С. Матвеев, князь В.В. Голицын – значительные военные и дипломатические успехи России этого столетия. Подбор персонажей был осуществлен в 1808 г. А.Ф. Малиновским¹⁴. И барельефы, и скульптура должны были подготавливать зрителя к тому, что он увидит внутри музея. Автором скульптур стал художник Гавриил Тихонович Замараев¹⁵. Без аллегорий ассоциировалась с названием музея артиллерийская коллекция, выставленная вдоль фасада. В том числе и знаменитая Царь-пушка, произведение литейщика Андрея Чохова (рис. 2).

Анализ опубликованных источников показывает, что в 20-х гг. XIX в. экспозиция музея делилась на две равные части. Оружью были посвящены два зала из четырех¹⁶. В 1840-х гг. экспозиция оружия располагалась уже в трех залах из пяти. В новый экспозиционный зал между 1826–1842 гг. был преобразован обширный вестибюль второго этажа, ранее свободный от экспонатов. В этот зал посетитель попадал, как только поднимался по парадной лестнице

Рис. 2. П.А. Герасимов. Вид на старое здание Оружейной палаты в Московском Кремле. XIX в. Акварель. Музеи Московского Кремля

во второй, экспозиционный этаж. Оружие и доспехи в нем были представлены в интереснейших тематических трофеях. Таких трофеев было несколько. Два из них – вокруг портретов первых Романовых – можно назвать «мемориальными». В их составе были доспехи Михаила Федоровича (рис. 3), Алексея Михайловича (рис. 4) и предметы вооружения их времени.

«Военный» трофей был посвящен Полтавской баталии. Трудно переоценить значение первой победы русских войск в Северной войне 1700–1721 гг. для славы русского оружия и российской истории. Победоносным завершением этой войны Россия обязана своим новым государственным устройством. А российские монархи – титулом императора. Под портретом императора Петра I были расположены носилки шведского короля Карла XII, барабаны, литавры, взятые в Полтавском сражении, сигнальные трубы, серебряные офицерские знаки, холодное оружие и знамена того времени. Напротив трофея в ящике хранились пищади Петра I. Дополняли композицию древки шведских знамен, взятых в Полтавскую баталию, но стоящие рядом с трофеем, в особых стойках¹⁷.

Рис. 3. Доспех зеркальный.
Оружейная палата, 1616.
Мастера Дмитрий Коновалов,
Андрей Тарман. Серебро,
сталь, ткань; ковка, чеканка,
травление, резьба, золочение.
Принадлежал царю
Михаилу Федоровичу

Рис. 4. Доспех зеркальный.
Оружейная палата, 1663.
Мастер Никита Давыдов.
Серебро, сталь, ткань,
бахрома, кожа; ковка, чеканка,
резьба, золочение, серебрение.
Принадлежал царю
Алексею Михайловичу

Около портрета императора Александра I был образован «политический» трофей. В своей основе он был посвящен недавнему событию (по отношению ко времени создания экспозиции) – военной операции русских войск по подавлению польского восстания 1830–1831 гг. и сложился из знамен, пожалованных польским полкам Александром I и Николаем I, и знамен польских повстанческих войск, собранных в отдельной стойке. Особое место среди них принадлежало знамени польских военных формирований, входивших в наполеоновскую армию, с соответствующей надписью по-французски. Как известно, было организовано несколько польских отрядов на юге Франции и в Италии, служивших Французской республике и ставивших своей задачей восстановление польской независимости. Эти военные формирования участвовали и в походе Наполеона в Россию. Рассказ о вероломстве поляков, попытавшихся потрясти государственные устои России, заканчивал

уникальный экспонат – бронзовый ковчег с подлинником польской конституции 1815 г. (рис. 5)¹⁸, расположенный в изножье портрета на полу. Но состав экспонатов трофея позволяет предполагать более широкое его толкование – это характеристика значительных событий русской истории, произошедших в царствование Александра I, рассказ о его особой миссии освободителя Европы от Наполеона. Под портретом императора были размещены крепостные ключи. Традиционно ключ среди военных трофеев символизировал капитуляцию города, крепости. Два крепостных ключа, входивших в этот трофей, отражали два направления российской политики александровской эпохи. Первый – от турецкой крепости Браилов – важного стратегического пункта, взятием которого за-

Рис. 5. Ларец с конституцией Царства Польского. 1917–1922. Музей Московского Кремля. Ф. 60. Д. 178. Л. 31

вершилась успешная кампания 1809 г. русско-турецкой войны 1806–1812 гг.¹⁹, был связан с войнами на Балканах, которые Россия вела с Османской империей на протяжении XVII–XIX вв. Второй – от польской крепости Замостье, взятой в 1813 г.²⁰, – с Отечественной войной 1812 г. и Заграничным походом русской армии. Рядом с портретом на столе хранился набор парадного оружия, преподнесенный в 1814 г. благодарными парижанами военному губернатору Парижа князю Фабиану Вильгельмовичу Остен-Сакену (рис. 6) за примерное поведение русских войск при оккупации французской столицы. Этот набор был передан в 1835 г. в Оружейную палату по личной просьбе Ф.В. Остен-Сакена, изложенной им в письме Николаю I²¹. Так мощным аккордом, раскрывавшим освободительную миссию Заграничного похода русской армии 1813–1814 гг., завершалось экспозиционное звучание этого трофея.

Вещевой состав экспозиции этого зала не позволяет дать ему четкую характеристику. Условно его можно было бы назвать «Трофейным», но описанные выше трофеи были лишь частью экспозиции,

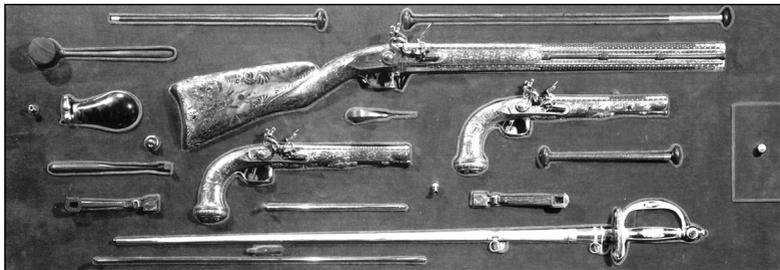

Рис. 6. Полный гарнитур парадного оружия. Франция, начало XIX в. Мастер Н.Н. Бутэ

основную массу которой составляли предметы средневекового вооружения. Доспех XVII–XVIII вв. показывали на высокой конструкции с полками – пирамиде. На ней находились две восковые фигуры в детских латах (рис. 7) ²². Рядом с пирамидой была устроена многоярусная полка с шипаками и шлемами различных форм XV и XVI столетий ²³. Большую выразительность демонстрации предметов вооружения придавали манекены с реконструкцией полного вооружения. В зале их было шесть. Четыре (три пеших и один конный) представляли русское вооружение и два (пеший и конный) – западноевропейское.

Около дверей в соседние залы в стойках находились «железные бердыши, составлявшие часть оружия, которыми защищались иноки Троице-Сергиевского монастыря от поляков во время шестнадцатимесячной осады их монастыря, в 1608–1609 году» ²⁴. Эти и другие предметы музей получил, по инициативе Николая I, из Троице-Сергиевой лавры в апреле 1830 г. ²⁵

Дополняли экспозицию живописные портреты императоров династии Романовых, развешенные по стенам. В этом и двух соседних залах нашли свое место мраморные медальоны с портретами царей династии Рюриковичей и Романовых из Чесменского путевого дворца, выполненные Ф.И. Шубиным в 1774–1775 гг. по заказу Екатерины II и переданные в Оружейную палату в 1831 г.

В следующем зале показывалось холодное и огнестрельное оружие XVI–XVIII вв. русской, западноевропейской и восточной работы, а также знамена. По стенам были развешены ружья, сделанные на русских заводах в XVIII в. Одновременно экспозиция поражала блеском парадного конского убранства и парадного вооружения

русских государей. Здесь же располагалась часть польского, но уже «культурного» трофея 1831 г.: портреты польских королей династии Пястов из варшавского королевского замка кисти придворного художника короля Станислава Августа Марчелло Ба-чиарелли.

Довольно яркие группы были сформированы из саадаков, а также наручей XVII в. восточной работы. В их числе были подлинные шедевры мастерства – саadak царя Алексея Михайловича (Стамбул, 1656), а также драгоценный доспех боярина Федора Михайловича Мстиславского (Турция, конец XVI – начало XVII вв.).

В зале демонстрировались древние стяги – Ивана Грозного 1560 г., Ермака Тимофеевича, князя Д.М. Пожарского. Последний поступил в музей в 1827 г. по предложению Николая I как ценнейшая историческая реликвия. В имении наследников князя Пожарского, селе Пурех Нижегородской губернии, он хранился в церкви. После передачи знамени в Оружейную палату его владелице М.А. Дмитриевой-Мамоновой был пожалован бриллиантовый фермуар²⁶.

Примечательной экспозиционной группой были предметы вооружения русских императриц: Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины II, в том числе лейб-кампанская шапка-гренадерка Елизаветы Петровны; а также сабли знаменитых исторических персонажей: Стефана Батория, князя Мстиславского, Минина и Пожарского. Сабли – от турецких султанов Абдул-Гамида и Селима III, входившие в состав даров, присланных ими Екатерине II по заключении Кучук-Кайнарджийского 1774 г. и Ясского 1792 г. мирных договоров. Меч польского короля Станислава Августа,

Рис. 7. Полудоспех детский – шлем, нагрудник, наспинник, пара набедренников (модель). Европа, XVII в. Железо, латунь, кожа, бархат;ковка, чеканка, резьба

который использовался в похоронных процессиях в Варшаве по случаю кончины императора Александра I²⁷.

Очень интересной экспозиционной группой были различные булавы XVII–XVIII вв., собранные в одной витрине. Источник 1843 г. особо выделяет среди них всего два памятника «с титулом царя Михаила Федоровича; другая прислана в 1795 году Императрице Екатерине II от турецкого султана... прочие булавы, – читаем там же, – принадлежали боярам: Милославскому, Пушкину, Голицыну, Лыкову»²⁸. Примечательно, что ранее этот комплекс описан иначе и очень подробно. «Булавы у всех народов, – читаем у П.П. Свиньина, – были знаком повелительства, и восточными владыками употребляемы были вместо скипетра... Орудий сих разного рода, в том числе и с камнями, находится здесь великое множество. Они доставались Государям по праву владения и делались нарочно в память значительных завоеваний, также получались от покоренных стран и присылаемы были в дар от разных владельцев»²⁹. Булава великого князя Ивана Ивановича – отразила в своей легенде момент древней истории – «собрание земель» Великого князя Ивана III, когда в 1485 г. тверское княжество было передано в удел наследнику русского престола. Период строительства сильного государства с единовластным монархом во главе символизировали сразу несколько жезлов. «Новгородская» булава – наместнический знак посадника. «Острожская» – Константина Ивановича Острожского, великого литовского гетмана, взятая у него при пленении в 1500 г. «Лифляндская» 1577 г., взятая как военный трофей Иваном Грозным при завоевании латвийской крепости Кокнесе. «Казанская» – московской работы, наместнический жезл казанского царя. «Сибирская» – сибирского царя Кучума. «Касимовская» – пожалованная в 1600 г. Борисом Годуновым касимовскому царю. Время правления Романовых характеризовали булавы как завоеванных территорий, так и присоединенных к России по добром волеизъявлению их народов. Булава Богдана Хмельницкого была получена Алексеем Михайловичем при воссоединении Украины с Россией в 1654 г. «Литовская» – сделана по повелению того же царя в память завоевания великого княжества литовского и избрания его в польские короли. «Грузинская» – поднесена «в 1658 году июля 6 Грузинским Царем Теймурашем Давидовичем, в изъявлении его подданства со всею Грузией»³⁰. «Польская конфедератская булава» – трофей графа Петра Александровича

Румянцева-Задунайского при «пленении мятежных в Польше войск у бывшего над ними главного начальника Вавржетского»³¹.

Часть из представленных булав свидетельствовали о высоком престиже русских государей на международной арене. Это были дипломатические подарки иностранных правителей. Шестопер с яшмовой рукояткой и золотой головкой, преподнесенный 23 мая 1632 г. царю Михаилу Федоровичу от султана Мурада IV турецким послом Фомой Кантакузиным. Стальной с золотой насечкой пернат от правителя Хорезма Надир-Мохаммеда 1643 г. Персидский пернат, присланный в 1658 г. от шаха Аббаса II. Две золотые булавы, подаренные царям Ивану и Петру Алексеевичам от персидского шаха в 1692 г. Турецкие, поднесенные императрице Екатерине II в 1774 и 1792 гг. от султанов Абдул-Гамида и Селима III.

Таким образом, эта обособленная коллекция, по замыслу экспозиционеров первой четверти XIX в., отражала официальную титулатуру русского государя, говорила о приращении территорий России и высоком международном престиже государства в основном в царствование династии Романовых. Очевидно, что экспозиционным замыслом она объединялась как с посольскими дарами, так и с государственными регалиями, или, как они названы П.П. Свиным «коронами побежденных царств»³², на которые возлагалась та же смысловая функция. Однако, в отличие от корон, которые использовались в церемонии коронации, воплощая собой владичество русского царя над различными территориями государства, эта функция у булав была номинальной, и в официальном государственном церемониале XIX в. они не задействовались.

Выделялась небольшая группа кортиков, по-видимому, охотничьих, западноевропейской работы, поступивших в Оружейную палату из Рюст-камеры. Обособление которых напоминало о столь значительном событии в истории музея, как слияние в 1810 г. по повелению императора Александра I двух уникальных хранилищ оружия Большой государевой оружейной казны и императорской Рюст-камеры для совместного экспонирования в Оружейной палате³³. В экспозиции музея они тесно переплелись, дополняя, обогащая друг друга, составили неповторимый облик экспозиции оружейного мастерства лучших центров России, Западной Европы, стран Востока.

Экспозиция последнего зала, такая же яркая и красочная, как предыдущего, запоминалась, в том числе, показом седел, которые

были собраны только здесь. По обе стороны от входа на подставках демонстрировались седла от посольских подарков турецких султанов Селима III и Абдул-Гамида Екатерине II. Источник 1843 г. выделяет среди прочих седла Бориса Годунова, князя Пожарского, Михаила Федоровича. Здесь же показывались части убора выводной лошади: цепи, узды, решмы. По обе стороны эркера находились два шкафа с санными полостями царя Алексея Михайловича. Как известно, сани в XVII в. были не столько зимним, сколько почетным видом транспорта. Езда в санях в некоторых случаях была исключительно прерогативой государя.

В эркере была устроена интереснейшая пирамида, экспонаты которой имели отношение к истории Оружейной палаты как хранилища оружия. В ней были собраны остатки Большой оружейной казны, сгоревшей в 1737 г. во время грандиозного пожара в Московском Кремле³⁴. Для демонстрации древних шлемов и кольчуг, в том числе принадлежавших видным деятелям русской истории, была устроена пирамида. Среди прочих на ней показывалась кольчуга князя П.И. Шуйского, которая была после смерти боярина в 1564 г. взята в казну и пожалована Иваном Грозным Ермаку Тимофеевичу. Байдана Бориса Годунова с надписью на каждом кольце «с нами бог никтоже на ны», и ныне украшающая экспозицию Оружейной палаты.

Не обошлось без трофеев и в этом зале. В углу, справа от входа, размещался военный трофей царствования императора Николая I, свидетель победоносного завершения русско-персидской войны 1826–1828 гг. – тронное кресло «Аббас-Мирзы, наследника Персидского престола, вывезенное в 1827 году из Тавриза»³⁵. Рядом с ним на стене была устроена композиция из древних шлемов и ерихонок по обе стороны от портрета императора Николая I. Этот трофей сложен в толковании, возможно, так, специальным отбором экспонатов, вокруг императора концентрировалась вся военная слава его предков. Ведь слева от портрета были размещены: шлем князя Ярослава Всеволодовича, отца Александра Невского, и его кольчуга, найденные на поле Липицкой битвы 1216 г., а справа – ерихонские шлемы разного времени. Среди ерихонок особенно выделялись: «шлем Александра Невского» (шапка с Деисусом, Византия, XIII–XIV вв.); шлем Михаила Федоровича 1621 г. мастера Никиты Давыдова – воинская регалия русского царя и в то же время своеобразный символ Оружейной палаты; ерихонская шапка

боярина Федора Мстиславского (Турция, XVI в.), которая в 1654–1656 гг. сопровождала царя Алексея Михайловича в Смоленском и Рижском походах. Но вероятно и то, что император, присутствием символа Оружейной палаты, был показан как патрон музея, деятельно преобразующий свое древлехранилище.

Таким образом, экспозиция оружия императорской Оружейной палаты первой половины XIX в. составляла большую часть экспозиции музея. Пестрая и выразительная по своему составу, она была наполнена особым содержанием, выраженным специфическими средствами. Одним из основных приемов экспонирования оружия и доспехов этого времени был трофей или военная арматура (от лат. *armatura* – *вооружение*). Смысловые и художественные композиции из оружия, доспехов, знамен, симметрично скомпонованные вокруг некоего центра, были позаимствованы из ампириной архитектуры. В Оружейной палате они несли в себе различное содержание: актуально-политическое, историческое и мемориальное. Оружие демонстрировалось в закрытых шкафах, столах, открытых стойках, пирамидах, развешивалось по стенам на кронштейнах. Доспех показывали в открытых пирамидах, на полках. Использовались реконструкции вооружения на манекенах. Экспозиция оружия, созданная в 20-е гг. XIX в., на протяжении последующих двух десятилетий претерпела ряд изменений. Между 1826 и 1842 гг., в правление императора Николая I, к ней был добавлен новый зал, соавтором экспозиции которого стал сам император. Так в экспонировании оружия в Оружейной палате первой половины XIX в. особенно ярко проявилось своеобразие ее положения императорской сокровищницы и древлехранилища рода Романовых.

¹ Упоминание об экспозиции вооружения в той или иной степени подробности находим у таких исследователей ее истории, как Смирнова Е.И. Оружейная палата. XIX век // Сокровищница России: страницы исторической биографии Музеев Московского Кремля. Вып. XIV. М., 2002. С. 36; Столярова М.Л. Первая экспозиция Оружейной палаты // Указ. изд. С. 53–54.

² Малиновский А.Ф. Историческое описание древнего Российского Музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты в Москве. М., 1807. Впрочем, нужно заметить, что каталог вышел в свет в 1807 г., когда экспозиции музея еще не существовало.

³ Свиньин П.П. Указатель главнейших достопамятностей, сохраняющихся в Мастерской Оружейной палате. М., 1826. С. 91–109.

⁴ Свињин. С. 91.

⁵ Краткое описание Оружейной палаты / Сост. Павел Евреинов. Ч. 1. СПб., 1835. 216 с.

⁶ Краткий указатель или справочная книжка для посетителей Оружейной палаты. М., 1843. 50 с.

⁷ Авторство директора Московской Оружейной палаты установлено по РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 8. Д. 15571. Л. 5.

⁸ Николай Алексеевич Бурдин (1814–1857) – ученик Венецианова. В 1843 г. утвержден Академией художеств, по представленным работам, в звании некласного художника. Известны его картины: «Внутренний вид малой придворной церкви Зимнего Дворца» 1840 и «Зала в Оружейной палате в Москве» 1844. Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии Художеств за сто лет ее существования. Т. 3. С. 7. Картина хранится в ГИМ. Воспроизведена см.: Государственная Оружейная палата. М., 1988. С. 12.

⁹ Зодчие Москвы / Сост. Ю. Яралов. М., 1981. С. 178–183.

¹⁰ Свињин. С. 15.

¹¹ Путеводитель в Москве, изданный Сергеем Глинкою, сообразно французскому подлиннику г. Лекоента де Лаво, с некоторыми пересочиненными и дополненными статьями. М., 1824. С. 40; Свињин. С. 15.

¹² Свињин. С. 15.

¹³ Там же. С. 13–15.

¹⁴ Там же. С. 13.

¹⁵ Гавриил Тихонович Замараев (1758–1823) был известным московским скульптором. Он закончил Петербургскую Академию художеств в 1779 г., а затем пять лет был пенсионером в Парижской Академии. Там он учился у знаменитого Жана Батиста Пигаля. В 1784 г. Замараев приехал работать в Москву, и далее почти вся его творческая жизнь была связана с Москвой и с московской архитектурой. Он был одним из основоположников московской декоративно-монументальной скульптуры конца XVIII – начала XIX вв., его работы украсили многие особняки и общественные здания города. К его произведениям относятся рельефы на аллегорические сюжеты, прославлявшие Екатерину II для Екатерининского зала Сената. Он принимал активное участие в украшении старого здания университета. Он работал вместе со знаменитыми архитекторами того времени: М.Ф. Казаковым, Д.И. Жилярди, И.В. Егоровым, А.Г. Григорьевым и др.

¹⁶ Свињин. С. 16.

¹⁷ Краткий указатель. С. 7.

¹⁸ Возвращен Польской республике в 1921 г. по акту. Отдел печатных рукописных и графических фондов Музеев Московского Кремля. Оп. 1921. Д. 7. 69 л.

¹⁹ Взята 21 ноября 1809 г. Война 1806–1812 гг. закончилась подписанием Бухарестского мирного договора 16 (28) мая 1812 г., который значительно улучшил стратегическую обстановку для России к началу Отечественной войны 1812 г.

²⁰ Крепость Замостье капитулировала 10 (22) ноября 1813 г., в плен было взято 4 тыс. солдат. В Российской империи Замостье с 1818 г. принадлежало к важнейшим крепостям Царства Польского. Во время польского восстания 1830–1831 гг. Замостье было опорным пунктом для отряда генерала Юзефа Дверницкого.

- ²¹ ОРПГФ. Ф. 1. Д. 92. Л. 214, об.
- ²² Краткий указатель. С. 8.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 9–10.
- ²⁵ Было получено: 58 ружей, 250 бердышей, 7 кольчуг и «лакотник от лат». РГАДА. Ф. 396. Оп. 2/4. Д. 1443. Л. 95.
- ²⁶ Российские императоры и Оружейная палата. М., 2006. С. 145.
- ²⁷ Краткий указатель. С. 39.
- ²⁸ Там же. С. 40.
- ²⁹ Свинын. С. 97–98.
- ³⁰ Там же. С. 106. Скорее всего, подразумевается визит царя Кахетии Теймураза I в Москву в 1658 г., где он искал поддержки русского царя в противодействии персидскому шаху Аббасу I.
- ³¹ Краткий указатель. С. 101. По-видимому, имеются в виду Томаш Вавжетский (1759–1816) – генерал армии Тадеуша Костюшко во время восстания 1794 г. и победоносный Суворов, который руководил подавлением этого восстания.
- ³² Свинын. С. 26.
- ³³ Краткий указатель. С. 40. Государева Оружейная палата. СПб., 2002. С. 10.
- ³⁴ Павлович М.К. Оружейная палата и правители российской империи в XVIII столетии // Российские императоры и Оружейная палата. М., 2006. С. 16.
- ³⁵ Краткий указатель. С. 45.